

Приближающаяся дата победы СССР над фашистами в Сталинграде 2 февраля 1943 года заставляет задуматься о факторах, обеспечивших эту победу, и в то же время опровергнуть мифы, возникающие на этой почве. Речь идёт о знаменитом приказе № 227, который был отдан незадолго до начала Сталинградской битвы и о котором до сих пор идут споры. Статья рассказывает о том, что происходило на самом деле.

Владимир ВАСИЛИК,

доктор исторических наук, профессор каф. Истории славянских и балканских стран СПбГУ

Сталинский приказ № 227: правда и вымысел

В либеральной публицистике и историографии приказ № 227 («Ни шагу назад!») изображается как плод злой воли тирана Сталина, якобы стремившегося любой ценой истребить свой собственный народ. Такой взгляд на приказ высказал Солженицын в «Архипелаге Гулаге»: «В том же году после неудач под Керчью (120 тысяч пленных), под Харьковом (ещё больше), в ходе крупного южного отступления на Кавказ и к Волге, — прокачан был ещё очень важный поток офицеров и солдат, не желавших стоять насмерть и отступавших без разрешения, — тех самых, кому, по словам бессмертного сталинского приказа № 227 (июль 1942), Родина не может простить своего позора. Этот поток не достиг, однако, ГУЛАГа: ускоренно обработанный трибуналами дивизий, он весь гнался в штрафные роты и бесследно рассосался в красном песке передовой. Это был цемент фундамента сталинградской победы, но в общероссийскую историю не попал, а остаётся в частной истории канализации». На это писателю жёстко ответил герой Сталинграда Василий Иванович Чуйков, командующий 62-й армией:

«Болезненно переживаю оскорбление, нанесённое Вами нам, сталинградцам. Говорю потому, что сам пережил 200 огненных дней и ночей, всё время находился на правом берегу Волги и в Сталинграде. Может быть, по-вашему, я, как штрафник, был назначен командовать 62-й армией, о заслугах которой наша газета “Правда” 25 ноября 1942 года писала: “В ходатайстве, где упомянуты армии, защищающие Сталинград, подчёркивается особая роль 62-й армии, отразившей главные удары

немцев на Сталинград, её командующего генерал-лейтенанта товарища Чуйкова В. И. и его главных помощников тт. полковника Горохова, генерал-майора Родимцева, генерал-майора Гурьева, полковника Балвинова, полковника Гуртьева и др.” По-вашему, Солженицын, выходит, что гвардейские дивизии были “сцементированы” штрафными ротами?! Неужели боец-снайпер Василий Зайцев, уничтоживший около 300 фашистов, сержант Яков Павлов и возглавляемая им группа бойцов разных национальностей, 58 дней и ночей защищавшие дом, который так и не взяли гитлеровцы, а положили вокруг этого дома своих трупов больше, чем при взятии французской столицы Парижа, — неужели эти добрые защитники Сталинграда были “сцементированы” штрафными ротами? Неужели славный сын испанского народа Рубен Ибаррури был штрафником или “цементирован” штрафниками? ... Сохрани Вас Бог сказать в Сталинграде, что Вы — Солженицын!»

Попробуем объективно разобраться, в чём же была суть приказа № 227.

После разгрома наших войск под Харьковом в мае 1942 года, падения Севастополя 4 июля 1942 года и оставления Ростова, опасаясь дальнейшего отступления и стремясь стабилизировать обстановку, Сталин подписал 28 июля 1942 года приказ № 227, получивший на фронте название «Ни шагу назад!». Непредвзятый анализ этого текста заставляет признать его одним из лучших образцов сталинской риторики по своей чёткости и сжатости, внутренней энергии, суггестивной силе. Он представляет

собой как бы диатрибу, или скрытый диалог с потенциальным оппонентом, который убеждён в преимуществах отступательной тактики, а также в том, что Советский Союз велик и нам есть куда отходить. Как отмечает А. А. Демичев, более половины документа составляет преамбула с разъяснением смысла приказа. Случайно или закономерно, такая черта характерна для многих новелл византийских императоров. При внимательном анализе этого текста можно отметить следующие черты.

1. Объективный анализ положения и умение Сталина смотреть в глаза жестокой правде о поражениях и не скрывать её от советских граждан, более того, использовать её для моральной мобилизации народа: «Враг бросает на фронт всё новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперёд, рвётся в глубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и сёла, насилует, грабит и убивает советское население. Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге у ворот Северного Кавказа. Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами. Враг уже захватил Ворошиловград, Старобельск, Россошь, Купянск, Валуйки, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, половину Воронежа. Часть войск Южного фронта, идя за паникёрами, оставила Ростов и Новочеркасск без серьёзного сопротивления и без приказа Москвы, покрыв свои знамёна позором». Слова относительно отсутствия серьёзного сопротивления при оставлении Ростова могут выглядеть некоторым преувеличением, поскольку уличные бои в Ростове шли с 21 по 27 июля. Однако, по сравнению с двухмесячной обороной Одессы и 250-дневной защитой Севастополя, действительно, оставление Ростова выглядело как сдача без боя.

2. Отметим, что эта правда распространяется не только на положения на фронте, но и на настроения советских граждан: «Население нашей страны, с любовью и уважением относящееся к Красной армии, начинает разочаровываться в ней, теряет веру в Красную армию, а многие из них проклинают Красную армию за то, что она отдаёт наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама утекает на восток». Хрестоматийное представление о сталинской пропаганде подразумевает, что всегда она апеллировала к единомыслию и полной и безоговорочной поддержке советской власти и её институтов, а также постоянному позитивному отношению к ним. Здесь мы видим абсолютно иную картину: недовольство Красной армией в тылу, особенно среди населения, оставляемого в оккупацию, Сталин использует для восстановления дисциплины

в войсках, воздействуя на совесть и сознательность красноармейцев. Отметим, что о негативной реакции населения на уход Красной армии рассказывают многие современники, например, Александр Довженко: «При уходе из одного украинского села я запомнил одного старика, который сказал нам: “Эх, сынки, вы не туда идёте. Вам – в обратную сторону”. Он смотрел на нас с нескрываемым презрением».

3. Трезвое понимание того, что ресурсы Советского Союза не безграничны, даже с учётом помощи союзников, которая, кстати, поступала в 1942 году весьма дозированно; после неслучайной гибели каравана *PQ 17* Черчилль предпочитал держать Советский Союз на голодном пайке. В приказе осуждался распространённый тезис о том, что огромные пространства страны предоставляют широкие возможности для отступления, которое якобы должно, в конечном счёте, привести к победе по образцу кампании 1812 года. Приказ в частности гласил: «Каждый командир, красноармеец и политработник должны понять, что наши средства не безграничны. Территория Советского государства – это не пустыня, а люди – рабочие, крестьяне, интеллигенция, наши отцы, матери, жёны, братья, дети. Территория СССР, которую захватил и стремится захватить враг, – это хлеб и другие продукты для армии и тыла, металл и топливо для промышленности, фабрики, заводы, снабжающие армию вооружением и боеприпасами, железные дороги. После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало намного меньше территории, стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 миллионов населения, более 800 миллионов пудов хлеба в год и более 10 миллионов тонн металла в год. У нас нет уже теперь преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше – значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину». Таким образом, вопрос об отступлении ставится на твёрдую ресурсоведческую почву: чем дольше оно продлится, тем меньше у СССР будет шансов на победу, а значит, и на выживание советского народа. Сталин чётко и беспощадно вскрывает мотивацию тех, кто утешал себя разговорами о том, что Красная армия может и дальше отступать на восток, так как у Советского Союза много территории, много земли, много населения, и что хлеба у нас всегда будет в избытке: «Этим они хотят оправдать своё позорное поведение на фронтах. Но такие разговоры

являются насквозь фальшивыми и лживыми, выгодными лишь нашим врагам».

4. Умение быстро учиться, в том числе у врага. Сталин в приказе специально отмечает те меры, которые немцы предприняли для укрепления дисциплины, расшатавшейся было после поражения под Москвой: «Они сформировали более 100 штрафных рот из бойцов, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, поставили их на опасные участки фронта и приказали им искупить кровью свои грехи. Они сформировали, далее, около десятка штрафных батальонов из командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, лишили их орденов, поставили их на ещё более опасные участки фронта и приказали им искупить кровью свои грехи. Они сформировали, наконец, специальные отряды заграждения, поставили их позади неустойчивых дивизий и велели им расстреливать на месте паникёров в случае попытки самовольного оставления позиций и в случае попытки сдаться в плен. Как известно, эти меры возымели своё действие, и теперь немецкие войска дерутся лучше, чем они дрались зимой». На самом деле, штрафные части существовали ещё в Первую мировую войну (как и в других странах). Были они и в гитлеровской Германии, при этом ещё до нападения на Советский Союз. Это – известные «исправительные части 500» (*Bewährungstruppe 500*): так называемые «пятисотые батальоны» (500-й, 540-й, 550-й, 560-й, 561-й) были образованы в декабре 1940-го, возможно, в преддверии вторжения в СССР; 561-й батальон позднее был эффективно использован немцами на Синявинских высотах под Ленинградом в 1943 году.

Однако, действительно, во время битвы под Москвой и позднее происходит их стремительный рост. Сто штрафных рот выглядят некоторым преувеличением, однако стоит вспомнить, что в германской армии существовали целые дивизии, составленные из бывших уголовников, например, Дирлевангер, прославившаяся зверствами при борьбе с партизанами в Белоруссии и при подавлении Варшавского восстания. Из других подразделений следует указать на 999 Африканскую дивизию, которая, в отличие от 561 батальона, отнюдь не прославилась героическим сопротивлением: и отдельные солдаты, и целые подразделения часто сдавались противнику и на Африканском, и на Восточном фронте.

В целом, однако, штрафные подразделения в немецкой армии действительно ставились на опасные направления и в ряде случаев оказывались достаточно боеспособными. Соответственно, использование немецкого опыта

и введение аналогичных структур в Красной армии выглядело оправданным. Согласно приказу № 227, вводились штрафные батальоны, от одного до трёх в пределах фронта, численностью до 800 человек), в которые направлялись средние и старшие командиры, виновные в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости.

К сожалению, со штрафными батальонами в общественном сознании связана определённая мифология, выражающаяся в нескольких тезисах.

1. Единовременно воевали миллионы штрафников. Между тем, число штрафных батальонов никогда не превышало 11, и за всю войну в штрафных батальонах перебывало около 427 000 человек. Это чуть более одного процента от численности Красной армии в период Великой Отечественной войны (34 млн). Сам штрафник, офицер несменяемого состава, то есть, по сути, смертник, кавалер многих боевых орденов А. В. Пыльцын категорически отвергает мысль о решающем вкладе штрафных батальонов в победу в Великой Отечественной войне, в том числе и в Сталинградской битве. Он особо отмечает в своих работах, что численность штрафников во время Сталинградской битвы насчитывала не более **одного процента** от общего числа советских солдат и офицеров.

2. В штрафных батальонах воевали и офицеры, и рядовые, и фронтовики, виновные в воинских преступлениях, и заключённые, отбывавшие срок за тяжёлые уголовные, в том числе довоенные преступления. На самом деле, согласно смыслу приказа № 227 и положения о штрафбатах, в штрафбатах воевали провинившиеся офицеры, согласно приговору Военного Трибунала. Уголовники из зоны и рядовые, как правило, в них не попадали.

3. Попадание в штрафной батальон автоматически означало гибель, и почти никто из него не возвращался живыми. Между тем переменный состав штрафного батальона по большей части обновлялся в силу отбытия срока наказания, либо в виду боевых заслуг или ранения. Так, по свидетельству А. В. Пыльцына, за рейд 8-го штрафного батальона в тыл немцев под Рогачёвым зимой 1944 года от наказания были освобождены 600 его участников. Это справедливо и для более раннего периода, в том числе и для Сталинградской битвы.

4. Штрафникам часто не выдавали оружия, они были вынуждены воевать... черенками от лопат, что, в частности, было показано в фильме Володарского «Штрафбат» 2004 года. Между тем, по свидетельству А. В. Пыльцына, штрафникам выдавали самое современное оружие с самого начала существования штрафных батальонов. В частности, во время вышеупомянутого рейда в тыл немцев

под Рогачёвым у батальона были пулемёты, миномёты и даже два ранцевых огнемёта.

5. За штрафниками всегда стояли заградотряды, которые подбадривали их пулёмётными очередями. Действительно, согласно приказу № 227, создавались хорошо вооружённые заградотряды, задачей которых было останавливать бегущих, направлять отставших в их части, выявлять шпионов и агентов врага и, лишь при необходимости, согласно Приказу, «в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии, расстреливать на месте паникёров и трусов и тем помочь честным бойцам дивизий выполнить свой долг перед Родиной». Как мы видим, в приказе нет ни слова о стрельбе из пулемётов по отступающим бойцам. Как вспоминал А. В. Пыльцын, его 8-й штрафной батальон всю войну провоевал без заградотрядов. Более того, во время рейда в немецкий тыл под Рогачёвом с ними не пошёл даже их оперуполномоченный, естественно, речь не шла ни о каких заградотрядах. По воспоминаниям Героя Советского Союза Михаила Владимировича Ашика, заградотряды исполняли обыкновенные функции военной полиции, отграничивая фронт от тыла. По его мнению, стрельба в спину из пулемёта по нашим частям была бы просто невозможна.

6. Отметим, что Приказ № 227 имел за собой известную традицию. По своей жёсткости и суровости его превосходил Приказ № 270 от 16 августа 1941 года:

«Приказываю:

1. Командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров.

Обязать всех вышестоящих командиров и комиссаров расстреливать на месте подобных дезертиров из начсостава.

2. Попавшим в окружение врага частям и подразделениям самоотверженно сражаться до последней возможности, беречь материальную часть, как зеницу ока, пробиваться к своим по тылам вражеских войск, нанося поражение фашистским собакам.

Обязать каждого военнослужащего, независимо от его служебного положения, потребовать от вышестоящего начальника, если часть его находится в окружении, драться до последней возможности, чтобы пробиться к своим, и если такой начальник или часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочтут сдать в плен, — уничтожать их всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи.

3. Обязать командиров и комиссаров дивизий немедленно смещать с постов командиров батальонов и полков, прячущихся в щелях во время боя и боящихся руководить ходом боя на поле сражения, снижать их по должности как самозванцев, переводить в рядовые, а при необходимости расстреливать их на месте, выдвигая на их место смелых и мужественных людей из младшего начсостава или из рядов отличившихся красноармейцев.»

При кажущейся несправедливости этого приказа (введение коллективной ответственности, репрессии по отношению к семьям сдавшихся в плен красноармейцев), он был необходим для стабилизации фронта и остановки немотивированной сдачи в плен, а также бегства с фронта. Отметим, однако, что для приказа № 227 характерен известный рост правосознания: теперь наказанию подвергались лично виновные лица, а не их родственники.

Самое главное, чего не желают замечать либералы: этого приказа требовали от Сталина... снизу фронтовики.

Гораздо раньше, 6 ноября 1941 года, письмо Сталину с грифом «Сов. секретно» написал полковник Николай Порфирьевич Раевский, служивший в оперативном отделе штаба 18-й армии Южного фронта. Полковник рассуждает о причинах окружения отдельных воинских частей и наказании виновных командиров:

«Я знаю, что наши дивизии не разбиты, убитых и раненых очень мало (так показывают почти все вышедшие из “окружения”), но из-за отсутствия руководства и управления дивизии разбежались. ...Наши дивизии и полки были не разбиты, а дезорганизованы бездействием многих наших командиров и комиссаров, в результате чего части, брошенные их командирами, без управления и руководства, теряли свою боеспособность, и все, спасая свои шкуры, выходили из “окружения”, бросив врагу богатую добычу — оружие и технику. ...Я прошу таких командиров и комиссаров дивизий..., совершивших величайшее преступление перед РОДИНОЙ, судить их со всей строгостью законов военного времени с тем, чтобы и другим было бы неповадно бросать свои части и предательски, спасая свои шкуры, выходить в одиночку из “окружения”. Нам не нужны такие “герои”, возвращающиеся одиночками под видом колхозников. Надо судить всех виновных, невзирая на лица, за дезорганизацию частей, за сдачу врагу своих частей и за ту катастрофу, что они принесли Армии и Фронту».

Все эти меры были реализованы летом 1942 года, но полковник Раевский не дождался приказа № 227: он скончался 17 июля 1942 года.

Какие цели перед собой ставили Сталин и советское руководство, издавая приказ № 227? Исходя из текста Приказа и исторического контекста, их можно определить следующим образом.

1. Восстановление пошатнувшейся дисциплины.
2. Остановка отступления Красной армии.
3. Прекращение деструктивной пропаганды о безграничных возможностях Советского Союза и, следовательно, бесконечного отступления.
4. Повышение ответственности высшего и среднего командного состава. В приказе говорится: «безусловно снимать с постов командиров и комиссаров корпусов и дивизий, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций без приказа командования армии, и направлять их в военный совет фронта для предания военному суду».

Можно ли сказать, что все эти цели были достигнуты?

Существует либеральный писатель, претендующий быть историком, исключённый из Вольного исторического общества за фальсификации и подлоги, а также за распространение гитлеровских мифов, Борис Соколов, который считает, что Сталин надеялся, что под угрозой расстрелов и штрафбатов красноармейцы будут сражаться упорнее и нанесут больше урона врагу. В действительности порой выходило наоборот. Опасаясь репрессий, командиры всех уровней порой запаздывали с отходом, а это вело только к дополнительным потерям. Объективные факты, однако, создают совершенно иную картину. После приказа № 227 резко повышается уровень сопротивления советских войск и снижаются темпы немецкого наступления, поэтому немецкому командованию пришлось срочно перебрасывать с Кавказа 4-ю танковую армию. С 14 августа по 1 сентября советские войска успешно обороняли город Калач на Дону против превосходящих сил противника. (В так называемых боях за разъезд на 74-м километре, известных также как бои за станцию Абганерово, 64-я армия смогла остановить врага, рвавшегося к Сталинграду.) Только 23 августа немцы смогли выйти к окраинам Сталинграда и только в результате штурма 14 октября смогли захватить его большую часть, но весь город они не заняли никогда. Такого сопротивления, как в Сталинграде, немецкая армия не встречала нигде. В этом свою роль сыграл и приказ № 227, который, по оценке генерала армии Сергея Штеменко, чрезвычайно благотворно повлиял на боеспособность войск. Приведём также свидетельство маршала Василевского: «Приказ № 227 – один из самых сильных документов военных лет по глубине

патриотического содержания, по степени эмоциональной напряжённости. Я, как и многие другие генералы, видел некоторую резкость оценок приказа, но их оправдывало очень суровое и тревожное время. В приказе нас, прежде всего, привлекало его социальное и нравственное содержание».

Наконец, важнейшим является свидетельство великого русского советского поэта Константина Симонова: «Мы... целый час, оглушённые, молчали после того, как прочли приказ. По-настоящему я пришёл в себя только через несколько дней в Москве. Все эти дни мне казалось, что течение времени прекратилось. До этого война наматывалась как клубок, сначала как клубок несчастий, потом, в декабре сорок первого, этот клубок как будто начал разматываться, но потом он снова начал наматываться, как клубок новых несчастий. И вдруг, когда я прочёл этот приказ, словно всё остановилось. Теперь движение жизни представлялось в будущем каким-то прыжком – или перепрыгнуть, или умереть!»

Под влиянием приказа № 227 К. М. Симоновым было написано сильное и пронзительное стихотворение «Безымянное поле» (1942), тесно связанное с речью Сталина 7 ноября 1941 года идеей преемства и непрерывности Русской истории, а также вдохновлённое приказом № 227 – прежде всего звучащей в нём темой поражения, предательства и позора, лежащего на Красную армию (даётся в сокращении):

*Опять мы отходим, товарищ,
Опять проиграли мы бой,
Кровавое солнце позора
Заходит у нас за спиной.
Мы мёртвым глаза не закрыли,
Придётся нам вдовам сказать,
Что мы не успели, забыли
Последнюю почесть отдать.
Не в честных солдатских могилах –
Лежат они прямо в пыли.
Но, мёртвых отдав поруганью,
Зато мы – живыми пришли!..
Ты можешь ответить, что мёртвых
Завидуешь сам ты судьбе,
Что мёртвые сраму не имут, –
Нет, имут, скажу я тебе.
Нет, имут. Глухими ночами,
Когда мы отходим назад,
Воставши из праха, за нами
Покойники наши следят.*

И, вынести срама не в силах,
 Мне чудится в страшной ночи –
 Встают мертвецы всей России,
 Поют мертвецам трубащи...
 В бело-зелёных мундирах,
 Павшие при Петре,
 Мёртвые преображенцы
 Строятся молча в каре.
 Плачут седые капралы,
 Протяжно играет рожок,
 Впервые с Полтавского боя
 Уходят они на восток.
 Из-под твердынь Измаила,
 Не знавший досель ретирад,
 Понуро уходит последний
 Суворовский мёртвый солдат.
 Гремят барабаны в Карпатах,
 И трубы над Бугом поют,
 Сибирские мёртвые роты
 У стен Перемышля встают.

И на истлевших постромках
 Вспять через Неман и Прут
 Артиллерийские кони
 Разбитые пушки везут.
 Ты слышишь, товарищ, ты слышишь,
 Как мёртвые следом идут,
 Ты слышишь: не только потомки,
 Нас предки за это клянут.
 Клянёмся ж с тобою, товарищ,
 Что больше ни шагу назад!
 Чтоб больше не шли вслед за нами
 Безмолвные тени солдат.
 Чтоб этот досель неизвестный
 Кусок нас родившей земли
 Стал местом последним, докуда
 Последние немцы дошли.
 Пусть то безыменное поле,
 Где нынче пришлось нам стоять,
 Вдруг станет той самой твердыней,
 Которую немцам не взять.

Отмечая годовщину Сталинградской битвы, мы должны помнить всех её защитников, среди которых были и те, кто после войны уверовали во Христа и приняли сан. Одним из таких выдающихся людей был герой Сталинграда архимандрит Кирилл Павлов (1919–2017). Сегодня о нём, его участии в Сталинградской битве и духовном подвиге расскажет исследователь православия, культуролог, кандидат педагогических наук, писатель **Владимир КАРАГОДИН**.

Духовник всея Руси

К 4-й странице обложки

В памятных датах Великой Отечественной войны особое место занимает 2 февраля – день освобождения Красной армией Сталинграда, а Сталинградская битва по праву считается не просто величайшим сражением Второй мировой, но и тем событием, которое изменило ход истории: «Победа, изменившая мир», как называется один из множества документальных фильмов о Сталинграде. И это не преувеличение, не поэтическая метафора. Беспримерный героизм Советского Солдата всколыхнул и поразил мир, вселил веру в народы всего мира в Победу над нацистским Апокалиптическим Зверем, поскольку миф о непобедимости Гитлера рухнул даже в самой

нацистской Германии, где на него в буквальном смысле молились – как на мессию немецкого народа. Улицы имени Сталинграда появились не только в Америке и Англии, но в самых разных уголках планеты. Казалось бы, столько книг написано об этом грандиозном сражении, в котором с обеих сторон участвовало более двух миллионов солдат, столько снято документальных и художественных фильмов, что и сказать уже нечего...

Но тем не менее Сталинградская битва и сегодня хранит немало тайн и загадок. Особенно в свете различных фальсификаций истории, которые имели место в период хрущёвской диктатуры, когда под знаменем борьбы